

«Вскоре тех ведомостей сочинить невозможно»: Административная повседневность провинции в эпоху «бироновщины»

Игорь В. Курукин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, kirukin@mail.ru*

Аннотация. В данном сообщении предпринята попытка рассмотреть один конкретный, практически «типовой» документ провинциальной канцелярии, повествующий о трудностях, которые препятствовали составлению общегосударственной «окладной книги», содержавшей информацию о платеже налоговых сборов, взимаемых ежегодно в определенном размере с каждой податной единицы.

По мнению автора, преобразования первой четверти XVIII в., имевшие целью создание «регулярного» государства как многоуровневого, точного и бесперебойного механизма управления с квалифицированными и ответственными исполнителями, не были и не могли быть реализованы при тогдашних возможностях системы, а также уровне подготовки и обеспечения управленческих кадров. Распространенные представления о могуществе и жестокости правления Анны Иоанновны сильно преувеличены в литературе. Реальные административные возможности немногочисленных и нередко неспособных провинциальных воевод и «подьячих» были весьма узки и не позволяли им исполнять даже объективно важные и назревшие задачи упорядочения финансового хозяйства страны.

Ключевые слова: Анна Иоанновна, Псковская провинция, «окладная книга», финансы

Для цитирования: Курукин И.В. «Вскоре тех ведомостей сочинить невозможно»: Административная повседневность провинции в эпоху «бироновщины» // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 6 (39). С. 35–46. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-35-46

“It is impossible to compose those sheets soon”.
Administrative daily life of the Russian province
in the era of *bironovshchina*

Igor V. Kurukin

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, kurukin@mail.ru*

Abstract. this report attempts to examine one specific, almost “model” document provincial office, tells about the difficulties that impeded the elaboration of the national “tax books”, which contained information about the payment of taxes and fees are levied annually up to a set amount each tax-paying unit.

According to the author, the transformations of the first quarter of the XVIII century, which were aimed at creating a “regular” state as a multi-level, accurate and uninterrupted management mechanism with qualified and responsible executors, were not and could not be implemented at the time of the system capabilities, as well as the level of training and provision of managerial personnel. Widespread ideas about the power and cruelty of Anna Ioannovna strongly exaggerated in the literature. Real administrative capacity of small and often incapable of the provincial Governor and “clerks” was very narrow and did not allow them to perform even objectively important and urgent task of streamlining the financial sector of the country.

Keywords: Anna Ioannovna, Pskov province, “income book”, finance

For citation: Kurukin IV. “It is impossible to compose those sheets soon”. Administrative daily life of the Russian province in the era of *bironovshchina*. *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series*. 2018;6(39):35-46. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-35-46

Введение

24 ноября 1738 г. в Сенат из Новгородской губернской канцелярии поступило доношение товарища вице-губернатора Никиты Тимофеевича Квашнина-Самарина о «сочинении по Камор коллегии окладной книги от Новгородской губернии». Приведем этот образец канцелярского творчества полностью:

Сего 738-го году ноября 9 в присланном в Новгородскую губернскую канцелярию из Псковской правинциальной канцелярии доношении написано: сентября 2-го дня по присланному ей императорского величества из Правительствующего Сената в тое Псковскую канцелярию указу велено для лутчаго в сочинении о Камор коллегии окладной книги о таможенных, кабацких и канцелярских и протчих тому подобных о всех государственных зборах сочинить ведомости по присланной при том указе печатной форме с показанием о каждом зборе особо, не смешивая збор [со] збором и мелницу с мелницею и рыбную ловлю з другою ловлею, також с пустошей особ оброчных земель особ санных покосов особ. И по тому ей императорского величества указу во Псковской правинциальной канцелярии вышепоказанная ведомость из прежних оброчных книг сочиняется и о таковом же сочинении и о присылке к сношению о всей Псковской правинции ведомости в подчиненные пригороды и во Псковскую ратушу указы посланы, точию по той форме вскоре тех ведомостей сочинить невозможно ж, понеже во Псковской правинции по прежним окладным и зборным канцелярского збору книгам из давних лет за некоторыми владельцы написано рыбных ловел, озер и речак званей по десяти и болши в одной статье в общей сумме, а порознь каждому озеру и речкам денежного окладу не расписано. А по указом как мелницы так и рыбные ловли велено отдавать во владение самим помещиком. А понеже между теми рыбными ловлями, которые по прежним книгам написаны за одним владельцем в общей сумме к некоторым озеркам и речкам пришли земли разных помещиков, из которых некоторые помещики об отдаче с тех озерок и речок по землям просят в вечное владение, а достальные с тех же рыбных ловель, которые написаны в том же общем окладе, остаютца за прежними владельцы. А что с которых озерок и речок порознь из общего окладу расположить денежного оброку и отданных по землям помещиком без подлинного следствия невозможно, тако ж и оброчные земли и иные покосы и пустоши званей по десяти ж и болши написаны за владельцы в одной же статье и в одном общем окладе, а порознь каждому месту денежного оброку не расписано ж. Да и в которых урочищах многим землям и санным покосом в прежних оброчных книгах не показано ж, о чем и в посланных в 731-м году в Камор коллегию из Псковской правинции об окладах к сочинению окладной книги ведомостях показано, да и многие де во Псковской правинции рыбные ловли и оброчные статьи имеютца за некоторыми владельцы из давних лет без перекупок, а с которых лет и с какими обязательства и откуда по отдаче владеют – того во оной правинциальной канцелярии не находятца и бес подлинного ж следствия по форме тех ведомостей сочинит и тех оброчных статей порознь на

каждое место денежного окладу росписат не ис чего, тако ж и за сочинением других многих требуемых по указом ведомостей и репортов тех окладных ведомостей вскоре сочинить никак не возможно, ибо у сочинения тех ведомостей токмо один подъячей, о котором малолюдстве во Псковской правинции подъячих в Правительствующей Сенат и его кантору и в протчие места многократными от оной правинциальной канцелярии доношениями представливо, точию и поныне оная правинция подъячими не удоволствована, о чем помянутого ж сентября 18 дня в государственную Камор колегию и ея кантору изо Псковской правинциальной канцелярии доношениями представлено и требовано о вышепоказанных неросписных рыбных ловлях и оброчных статьях повелительного ея императорского величества указа, точию о том указу не получено, и дабы за неполучением о том указа и за нескорое тех ведомостей сочинение ко Псковской канцелярии напрасного штрафа причтено не было, чего ради о скорейшем оных ведомостей сочинении и присылке под опасением тяжкого штрафа без всяких отговорок не ожидая подтвердителных указов во Псковскую правинциальную канцелярию тако и ко обретающемуся для понуждения в сочинении оных, о понуждении тое канцелярию как по данной инструкции повелено, не приемля никаких отговорок, салдату из губернской канцелярии указы посланы, о чем к сочинению по Камор колегии окладной книги Новгородская губерния сим и доносит 1738 ноября 24 дня» (1 л. 107–108).

Скучная канцелярская бумага, каких множество курсировало по дорогам империи в сумках тысяч курьеров, не содержит государственных тайн. Однако обыденный документ демонстрирует некоторые особенности функционирования выстроенной Петром I административной машины.

В современных школьных и даже вузовских учебниках несложно найти характеристику правления императрицы Анны Иоанновны (1730–1740) как «засилья иностранцев», режима «суровой палочной дисциплины», поддерживаемого всемогущим политическим сыском с его многочисленными «шпионами» и доносами «на фоне непосильных поборов, голода и нищеты» (2 с. 144–145; 3 с. 225–226; 4 с. 49). Кажется, что историки бессильны преодолеть существующую в массовом сознании соотечественников картину закабаления и разграбления отечества. Но приведенный выше и сопоставленные с ним документы Сената и Кабинета министров Анны Иоанновны представляют несколько иную, хотя тоже нерадостную, картину состояния российских финансов.

Попытки финансовых реформ

Петр I стремился обеспечить создание более или менее «прозрачного» бюджета – росписи государственных доходов и расходов, для чего необходимо было составить «окладную книгу» всех поступлений в казну. Первая задача была кое-как выполнена, по крайней мере за 1724 год; вторая оказалась куда сложнее.

В допетровской России не существовало централизованного финансового управления. Отдельные учреждения-приказы сами собирали и расходовали деньги. Большинство из них имело в своем ведении определенную территорию, налоги с которой шли на их содержание, так что общего бюджета не существовало. Ситуация принципиально не изменилась и при Петре. Деньги собирались разными ведомствами (подушная подать – Военной коллегией; таможенные и кабацкие поступления – Камер-коллегией; доходы от продажи – казенных товаров – Коммерц-коллегией и т. д.). «Окладные» расходы должны были производиться из определенных для этого конкретных доходов; последние часто не соответствовали первым, и тогда приходилось изыскивать средства из иных источников.

Повседневную работу государственной машины постоянно тормозило отсутствие средств в нужном месте и в нужное время. Только один из еженедельных докладов Сената от 17 сентября 1732 г. сообщал: Штатс-контора не считает возможным выдать деньги из Монетной конторы на жалованье чиновникам из Ревизион-коллегии, «доколе та контора с Штатс-конторою возымеет счет»; та же Штатс-контора вместе с Камер-коллегией не могут выплатить 270 430 руб. на содержание полков в «новозавоеванных» иранских провинциях, поскольку эти чрезвычайные («не положенные в штат») расходы было велено производить из таких же «не положенных в штат» доходов, каковых в нужном количестве «никогда в настоящих годах не собирается», а те, что есть, уже расписаны «по посланным указам» на другие нужды (5 т. 104, с. 410–411). Количество же «неокладных» расходов, по данным обер-прокурора Сената А. Маслова, достигало в том же году 2 740 947 руб., что составляло порядка трети доходов государства (1 л. 6).

Отсутствие потребных средств дало о себе знать с первых дней аннинского царствования. В 1732 г. Сенат подсчитал, а Кабинет министров в начале следующего года обнародовал, что накопившиеся с 1719 г. недоимки составили семь миллионов руб. только по таможенным, кабацким и так называемым канцелярским сборам (5 т. 106, с. 54–55; 5, № 6412).

Неудивительно, что правительство Анны Иоанновны имело цель ликвидировать финансовую неразбериху. Прежде всего власти намеревались ужесточить сбор налогов и взыскать недоимки. В 1730 г. перед Сенатом была поставлена задача составить «государственную о всех доходах книгу». Третьим направлением «битвы за финансы» стала проверка расходов и «счетов» всех учреждений.

Однако суровому режиму Анны Иоанновны решение этих задач оказалось не под силу. Возобновленной было практика сбора подушных денег и недоимок военными «командами» была отменена в 1736 г.: поборы, взятки и злоупотребления сборщиков росли вместе с недоимками, что и констатировал очередной указ (6 № 6872). Недостатки подушной системы налогообложения обнаружились еще при жизни ее создателя. Но и с учетом других поступлений дело обстояло не лучше: в 1737 г. Камер-коллегия доложила, что не имеет сведений о количестве питейных домов и винокуренных заводов в стране по причине неприсылки соответствующих ведомостей. В ответ Анна гневно выговорила министрам, что «самонужное государственное дело» тянется уже полтора года и конца ему не видно.

Созданная для ревизии (начиная с 1719 г.) правительственных «мест» Генеральная счетная комиссия к 1736 г. рассмотрела только 78 счетов и вернула казне 1152 руб. – меньше, чем истратила за эти годы на жалованье своего персонала. Указ 1735 г. признал также неэффективность работы Ревизион-коллегии, в которую прочие учреждения не присылали счета вовремя. К тому же от ревизии были освобождены гвардия и придворные службы; собственные счетные экспедиции сохранялись в Военной коллегии, Камер-коллегии по таможенным доходам и Генерал-кригскомиссариате (7 с. 465; 8 с. 104–105).

Ревизион-коллегия в мае 1732 г. докладывала: ей прислали счета «неисправные», из которых «о суммах приходу и расходу видеть было нельзя». Чиновники ссылались на исчезновение документов или на отсутствие ответственного лица, уже давно скончавшегося или отбывавшего срок; в других учреждениях бумаги заверялись подписью мелких клерков, а не руководства; третьи действовали по принципу «подписано – и с плеч долой», отказываясь принимать «неисправные» документы обратно. Наиболее невразумительными отчетами отличалось самое затратное военное ведомство: присланные им бумаги оказались «весьма неисправны, а против прихода и расхода написаны недостатки, и в прочем одни с другими смешанные, отчего не только впредь, но ныне произошла камфузия» (9 л. 270–273 об.).

Тормозилось и составление «окладной книги». Согласно докладу Сената от 17 сентября 1732 г., провинциальные чиновники, получившие требование Камер-коллегии подать «на каждое место и звание доходам от губернаторов по третям, а о подушном сборе в полгода подробные репорты» притворялись непонятливыми или в самом деле были не в состоянии постичь правила отчетности. Начальство получало «о таможенных и прочих сборах месячные, а не третные репорты, писанные по прежним формам», а также обнаруживало, что «со штабных дворов земские комиссары присылают о подушном сборе полугодовые репорты не по посланным же формам». На присылку же «новых форм» на местах либо вообще не реагировали, либо отговаривались их неполучением и действовали по «прежним указам», либо докладывали, что «в скорости сочинить никоим образом не можно, ибо за раздачами приказных служителей в разные команды и в счетчики осталось самое малое число», а потому о доходах «коллегия никакого известия не имеет, и для того генеральной ведомости сочинить не из чего». К примеру, из всей Новгородской губернии был прислан только один «репорт» из Псковской провинции, а «из прочих провинций не прислано», хотя тамошние канцелярские чиновники для острастки «держатся под караулом» (5 т. 104, с. 414–415).

Как составить «окладную книгу»?

В 1738 г. начальники небольшой по размерам Псковской провинции не выполнили очередного грозного указа и, чтобы избежать штрафа, привели аргументы в свое оправдание. По их словам, казенные рыбные ловли и прочие «оброчные статьи» (такие как мельницы) уже так давно находятся у нынешних владельцев, что информация о том, от кого, когда и на каких условиях те их получили, в канцелярии отсутствует. А сведения о тех деньгах, кои с них как-то все же собираются, по требуемой форме подать невозможно, ибо платежи записаны «по десяти и болши в одной статье в общей сумме, а порознь каждому озеру и речкам денежного окладу не расписано». Отданные когда-то одному владельцу угодья теперь находятся у разных помещиков, которые к тому же просят отдать их им в «вечное владение». В итоге оказывается, что расписать оброки «порознь из общего окладу» нельзя без «подлинного следствия», провести которое, а также вновь составить «окладные ведомости» невозможно «за сочинением других многих требуемых по указом ведомостей и репортов», поскольку для таких дел в канцелярии имеется только один подьячий.

Псковская и приславшая ее отчет вышестоящая новгородская губернская канцелярия выстроили и систему обороны от начальственных взысканий за неисполнение указов. Первая инстанция напоминала: она не раз делала представления о чиновничьем «малолюдстве» и в Сенат, и в другие «места», но до сих пор «подьячими не удовлетворена»; к тому же она ожидала «о вышепоказанных неросписных рыбных ловлях и оброчных статьях повелительного ея императорского величества указа», которого так и не дождалась – а что Сенат мог бы ей нового указать? Вторая отчиталась, что вновь потребовала от псковских властей «скорейшего оных ведомостей сочинения» под угрозой «тяжкого штрафа» и без всяких отговорок. Однако нетрудно представить, что именно в очередной раз ответили бы одинокий псковский подьячий и даже присланный «для понуждения в сочинении» ведомостей из Новгорода солдат на подобный бессильный указ, не решавший ни одной из перечисленных выше проблем. Но формальное усердие местного начальства было должным образом явлено и зафиксировано.

Может быть, изложенное в доношении и соответствовало действительности. Новгородский вице-губернатор А.Ф. Бредихин в сентябре 1737 г. уже не в первый раз просил о срочной присылке в губернию не менее сотни «приказных служителей», поскольку имеющихся постоянно забирали «в разные команды»: «...из приписных к Новгородской губернии провинций и городов воеводы непрестанными доношениями пишут, что и у них приказных людей самое малое число, и требуют прибавки с объявлением того, что во всех делах при отправлении учинилась и у них крайняя остановка». На свои обращения он и раньше получал ответ «исправляться наличными» приказными; теперь кабинет-министры также повелели ему отказать, разрешив лишь брать в подьячие «из архиерейских и монастырских служителей», но только тех, кто был способен откупиться от воинской службы или представить вместо себя рекрута – в самом разгаре была тяжелая война с турками (5 т. 117, с. 602–603).

Да и где же было взять чиновников, если «малолюдство подьячих при многодельстве в канцеляриях» было явлением типичным? Даже начальник полиции империи В.Ф. Салтыков в 1739 г. просил Кабинет министров прислать к нему шесть пригодных канцеляристов и 15 копиистов, поскольку имеющиеся «за пьянством и неприлежностью весьма неисправны» (5 т. 130, с. 535–537). Выход обычно отыскивался по принципу «тришкиного кафтана»: приказных забирали из одного места и перебрасывали в другое, где в данный момент нужда в них была самой острой. Случалось, что

первые сановники империи должны были лично распоряжаться о перемещении «подьячих» из одной канцелярии в другую (5 т. 114, с. 121; т. 146. с. 518–519). Так, среди прочих дел министры обсуждали, где именно надлежит работать секретарю Петру Зеленому, поскольку на него претендовали сразу две конторы, и в итоге приняли соломоново решение: «...означенному секретарю Зеленому для отправления в Провиантской канцелярии счетов и ведомостей и прочих дел быть в неделю по 2 дни, а прочие 4 дня для отправления провиантских дел быть в Генеральном кригскомиссариате» (5 т. 104, с. 413).

Но составители казенных бумаг могли и лукавить. Сенатский доклад от августа 1740 г. указал еще одну причину неудачи составления «окладной книги»: местные начальники не желали показывать «ясного о тех окладах и сборах обстоятельства», поскольку «не только в окладе неположенными оброчными статьями секретари и подьячие сами владели, но и из окладных оброчных статей, противно присяге и должности, под видом откупов за собой держали» (5 т. 146, с. 445). Иными словами, имевшиеся в городах и уездах источники доходов (мельницы, рыбные ловли, мосты и перевозки, «отдаточные» казенные земли) были «приватизированы» местными приказными, при этом официально значились сданными на откуп (за гораздо меньшую сумму, чем реальный доход) или просто лежащими «впусте».

Редкие дела, все же дошедшие до столичного расследования, показывают, что в присвоении этих средств была вовлечена вся местная администрация во главе с губернатором. В итоге одного такого расследования оказалось, что сумма оброка с казенных пустошей и оброчных земель чудесным образом уменьшилась с 1482 руб. до 162 руб. 71 коп. – именно столько получило государство, а разница пошла в карман белгородскому губернатору бригадиру И.М. Грекову, заодно «приватизировавшему» обширные сенные покосы. Прибывший для следствия полковник Андрей Вельяминов не знал, что делать: документацию от него прятали, губернатор его в «хоромы» не пускал, отговаривался болезнью, а сам отправлялся «в поле с собаки»; другие чиновники «за его нерачением в канцелярии весьма мало бывали, а всегда езживали по хуторам своим» (5 т. 130, с. 681–683).

Установить реальный размер налоговых поступлений можно было только путем всеобъемлющей ревизии таких доходных мест с выяснением, сколько их убыло и прибыло, что действительно лежит «впусте» и сколько реально можно получить денег от каждой сданной мельницы или другой «откупной статьи». Но чиновни-

чьим ресурсом для решения столь масштабной задачи правительство не обладало – весь бюрократический аппарат в те времена едва насчитывал пять тысяч человек на 16 миллионов населения. В итоге государство едва-едва получало с таких «оброчных статей» и пошлин половину предполагавшегося «оклада».

Новгороду, который находился недалеко от столицы, еще повезло: туда были отправлены советник Камер-коллегии Беклемишев и секретарь Антонов; но и они сумели в 1739 г. «сочинить» ведомости только о таможенных и кабацких сборах по городу и Новгородскому уезду, а «из приписных к Новгородской губернии провинций и городов по многопосланным указам ведомостей не прислано» (5 т. 138, с. 283–284).

В итоге подьячие одержали победу над грозным режимом Анны Иоанновны. Завершение работы над «окладной книгой» растянулось до самого конца царствования. В январе 1740 г. сенаторы доложили в Кабинет министров о посылке на места «последних указов» вместе с солдатами, коим надлежало самих губернаторов, вице-губернаторов и воевод «держатъ в канцеляриях, а секретарей и приказных служителей скованных за караулом без выпуску до того времени, пока те все ведомости сочинят», и еще взимать с них по пять копеек в день на содержание присланных «понудителей» (5 т. 138, с. 285). Сенат рассчитывал таким образом подготовить ведомости через год. Но уже в августе 1740 г. он в очередной раз доложил о безуспешности своих усилий по сбору ведомостей хотя бы за три последних года. Министры же больше не рисковали назначать точный срок исполнения задачи – они лишь напомнили сенаторам «прежде данные указы» и просили их приложить «крайнейшее радение» и «изыскать все удобовозможные способы, каким бы образом ту окладную книгу, не отлагая вдаль, к скорейшему окончанию привести» (5 т. 146, с. 444–448).

Заключение

Историки были бы благодарны «немецкому» правительству Анны Иоанновны, если бы ему удалось навести порядок в российских финансах. Но на управленческом и финансовом поприще «бироновщина» потерпела поражение от отечественных «приказных». Едва ли последние действовали из патриотических соображений – реальные возможности низового звена управления не позволяли обеспечить сколько-нибудь регулярное исполнение даже объективно необходимых указаний центра. В этом смысле аннинский режим оказался не более эффективным, чем петровский, когда (по

наблюдениям Д.А. Редина) на уездном уровне доля неисполненных вышестоящих предписаний составляла 63% (10 с. 450).

Доносы и даже казни в правление Анны (на самом деле далеко не столь и жестокое, как традиционно принято считать) ничего не могли изменить в деликатной сфере финансов. Сыпавшиеся сверху обычные наказания в виде штрафов, кажется, никого не пугали. Правительственные эмиссары, посланные из столицы для «понуждения» чиновников к скорейшему исполнению столичных приказов и «сочинению» необходимых справок и отчетов, сообщали, что «секретари и приказные служители держатся под караулом без выпуска». То же иногда приходилось делать и провинциальным начальникам (к примеру, новгородскому вице-губернатору Бредихину) или платить немалые штрафы (по 50–100 руб.), но дело с места не двигалось. Бывалые «подьячие» подобные начальственные наскоки «ни во что считали», а экономию за счет их жалованья восполняли всевозможными поборами и названными выше средствами. Проблемой оставался и уровень подготовки чиновничьих кадров.

Для достижения поставленной Петром Великим цели – создания «регулярного» государства с эффективной финансовой системой – понадобилась еще целая историческая эпоха; только реформа системы управления при Екатерине II позволила, наконец, ежегодно составлять бюджетные росписи.

Литература

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 19. Оп. 1. № 11.
2. История России XVIII–XIX вв. / Под ред. Л.В. Милова. М.: Эксмо, 2008. 784 с.
3. Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России. М.: Проспект, 2008. 672 с.
4. Буганов В.И., Зырянов П.Н., Сахаров А.Н. История России: Конец XVII–XIX в.: 10-й класс. М.: Просвещение, 2010. 336 с.
5. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны: 1731–1740 гг. / Под ред. А.Н. Филиппова. Юрьев: тип. К. Маттисена, 1898–1915 // Сборники Русского исторического общества. Т. 104. СПб., 1898; Т. 106. СПб., 1899; Т. 114. СПб., 1902; Т. 117. СПб., 1904; Т. 130. СПб., 1909; Т. 138. СПб., 1912; Т. 146. СПб., 1915.
6. Полное собрание законов российской империи. Собрание 1-е. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. Т. 9.
7. Соловьев С.М. Соч.: В 18 кн. М.: Мысль, 1993. Кн. 10. 751 с.
8. Сакович В.А. Государственный контроль в России. СПб.: «Центральная» типо-литография М.Я. Минкова, 1898. Ч. 1. 370 с.

9. РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. № 229.
10. *Редин Д.А.* Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ. Екатеринбург: Волот, 2007. 608 с.

References

1. Russian state archive of ancient acts (RGADA). Fond 19. Opis' 1. № 11. (In Russ.)
2. Milov LV., ed. History of Russia XVIII–XIX centuries. Moscow: Eksmo Publ.; 2008. 784 p. (In Russ.)
3. Orlov AS., Georgiev VA., Georgieva NG., Sivokhina TA. History of Russia. Moscow: Prospekt Publ.; 2008. 672 p. (In Russ.)
4. Buganov VI., Zyryanov PN., Sakharov AN. The history of Russia. The end of the 17th–19th century. Grade 10. Moscow: Prosveshchenie Publ.; 2010. 336 p. (In Russ.)
5. Filippov N., ed. Papers of the Cabinet of Ministers of Empress Anna Ioannovna. 1731–1740. Yur'ev: Tipografiya. K. Mattisena Publ.; 1898–1915 // Collections of The Russian historical society. T. 104. SPb., 1898; Vol. 106. SPb., 1899; Vol. 114. SPb., 1902; Vol. 117. SPb., 1904; Vol. 130. SPb., 1909; Vol. 138. SPb., 1912; Vol. 146. SPb., 1915. (In Russ.)
6. Complete collection of laws of the Russian Empire. Meeting of the 1st. St. Petersburg: Tipografiya 2-go Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii Publ.; 1830. Vol. 9. (In Russ.)
7. Soloviev SM. Works. 18 books. Book 10. Moscow: Mysl' Publ.; 1993. 751 p. (In Russ.)
8. Sakovich V. A State control in Russia. St. Petersburg: "Tsentral'naya" tipolitografiya M.Ya. Minkova Publ.; 1898. Part 1. 370 p. (In Russ.)
9. RGADA. Fond 248. Opis' 5. № 229. (In Russ.)
10. Redin DA. Administrative structures and bureaucracy of the Urals in the era of Peter's reforms. Ekaterinburg: Volot Publ.; 2007. 608 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Игорь В. Курукин, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; kurukin@mail.ru

Information about the author

Igor V. Kurukin, Dr. in History, associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; kurukin@mail.ru

Личные деньги и их источники:
к вопросу о материальном положении
политических ссыльнокаторжных
на Нерчинской каторге в 60–70-х гг. XIX в.

Алексей С. Гулин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, asgullin@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются источники собственных денежных средств, как один из важнейших факторов обеспечения и облегчения материального положения политических ссыльнокаторжных в условиях содержания на Нерчинской каторге 60–70-х гг. XIX в. На основе широкого круга архивных, мемуарных и эпистолярных источников, законов, правил и распоряжений правительства и местной администрации автором впервые выявлен весь круг доступных путей обеспечения собственными деньгами политических каторжных: определены законные и незаконные способы их получения. Наряду с вновь выявленными архивными материалами, таким как отчеты и переписка Нерчинского коменданта о личных деньгах политических каторжных, в статье вводятся впервые в научный оборот, ранее неизвестные российским исследователям: семейная переписка итальянца Луиджи Кароли и дневник Э. Андреоли опубликованные в книге А. Занки «Драма Луиджи Кароли» [1].

Ключевые слова: собственные денежные средства, политические ссыльнокаторжные, политические преступники, государственные преступники, участники польского восстания 1863–1864 гг., казенное пособие, Нерчинская каторга, Восточная Сибирь, Забайкалье

Для цитирования: Гулин А.С. Личные деньги и их источники: к вопросу о материальном положении политических ссыльнокаторжных на Нерчинской каторге в 60–70-х гг. XIX в. // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 6 (39). С. 47–62. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-47-62